

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

В а л е р и й
К о в а л ё в

ЗОЛОТО МЕРТВЕЦОВ

Русский детектив

Валерий Ковалев
Золото мертвецов

«Центрполиграф»

2019

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ковалев В. Н.

Золото мертвецов / В. Н. Ковалев — «Центрполиграф»,
2019 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-08721-8

Бывший офицер спецслужб Юрий Огнев догадывается, по чьей вине он стал заключенным и вынужден отбывать наказание. Он задумывает и осуществляет дерзкий побег из лагеря таким образом, чтобы никто не стал искать его. Он лелеет планы поквитаться с обидчиком. Пробираясь по заполярной тундре, Огнев натывается на «эхо войны» – погибший советский самолет, так и не доvezший до американцев золото в счет оплаты ленд-лиза. Он решает забрать золото и воспользоваться им для мести, ну и, конечно, чтобы жить дальше, как захочется, в свое удовольствие...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08721-8

© Ковалев В. Н., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Николаевич Ковалёв

Золото мертвецов

Люди гибнут за металл...
Из арии Мефистофеля

© В.Н. Ковалёв, 2019

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Часть первая Секретный груз

Глава 1 В тундрах

Заполярье. Май 43-го. Лапландия¹.

Над бескрайним морем голубых тундр, что, перемежаясь с сопками, тянулись от скалистых фьордов Норвегии до побережья Кольского полуострова, стоял полярный день. В лучах немеркнущего солнца искрился еще не растаявший ноздреватый снег, зеленел ягель, блестели холодной водой небольшие озера, с которых доносились разноголосые крики вернувшихся с зимовки птиц.

На теплом шероховатом валуне дремал отощавший за зиму пестрый лемминг. Вдруг он насторожился, вскочил и нырнул в щель, оставив уютное место.

Из-за ближней сопки появились два человека. Они едва передвигались и, подойдя к камню, устало сели на него.

Оба путника выглядели изможденными, с заросшими щетиной лицами. На одном – высокого роста и с широкими плечами, были лопарский колпак, выцветший солдатский ватник, драные бриджи и размокшие от воды пьексы.

На втором, коренастом и непрерывно кашлявшем, выдавшие виды черные матросская шапка и бушлат, рваная на коленях роба, а на ногах кирзовые ботинки.

В руках высокий держал финский автомат «суоми», а на поясе коренастого висел нож пуукко. За плечами обоих серели тощие котомки.

На путников тут же навалилась дрема, и они начали клевать носом.

Однако через минуту высокий размежил веки и толкнул напарника локтем:

– Не спи, Сашок, замерзнешь.

– А, чего?! – испуганно вздрогнул тот, вертя головой на худой шее.

– Не спи, говорю, идти надо.

Они встали и побрели дальше. Над головой серебрилось небо, в глазах плыли надоевший пейзаж и незакатное светило.

Примерно через километр тот, которого называли Саней, упал лицом в мох и снова зашелся кашлем.

Высокий, вздохнув, опустился на корточки рядом.

– Давай вставай, вот эту марь пройдем и отдохнем, – потряс за костлявое плечо спутника.

Тот с трудом поднялся, напарник обхватил его за торс и, спотыкаясь, потащил дальше.

У относительно сухого склона сопки оба, повалившись под чахлую березку, уснули.

Когда открыли глаза, солнце все так же сияло в бледном небе.

– Тим, а сейчас день или ночь? – невнятно прошептал Сашка.

– Я и сам не знаю, все в башке перепуталось от голода, надо пошамать.

– Надо.

Тим, так звали высокого, приподнялся, стянул с плеч котомку и достал оттуда вяленый кусок мяса, вкусно пахнувший дымком и жизнью. Затем финкой разрезал его и большую часть отдал другу.

¹ См. Примечания.

– Отдыхай пока, а я схожу туда, – кивнул на синеющее неподалеку окаймленное редким кустарником озеро. – Может, какую птицу подстрелю или на худой конец зверушку.

– Это последний патрон? – прошептал обметанными жаром губами Сашка.

– Как и мясо, что дали лопари, больше ничего нету.

Тим встал, щелкнул затвором автомата и ушел к озеру. Через несколько минут оттуда донесся выстрел, и над сопкой, рассекая воздух, пронеслась стайка птиц. А чуть позже вернулся Тим, в сердцах швырнувший оружие на землю.

– Все, кончился наш «суоми».

– А птица?

– Не попал, руки дрожат. Но ты не дрейфь, через неделю-другую они яйца класть станут, тогда заживем. А пока ягель жрать будем, прошлогоднюю морошку и кору с деревьев. Все равно к своим выйдем.

Неделю назад оба бежали из финского лагеря на побережье Ботнического залива, где строили укреп район, в числе еще нескольких сотен пленных.

Тем ранним утром их вывели на работу, а потом началась бомбежка.

Советские штурмовики накрыли бомбовым ударом расположенную рядом железнодорожную станцию, а заодно строящийся неподалеку объект, окруженный с четырех сторон вышками с пулеметами и колючей проволокой.

Охрана в панике метнулась в бетонные укрытия, пленные тоже стали прятаться кто куда, и в серии очередных разрывов Тим увидел, как одним снесло ближайшую к нему вышку вместе с лезущим вниз, вопившим шюцкоровцем.

Перескочив воронку, пленный рванул сквозь дым и свист осколков в образовавшийся проход, дернул на ходу из руки убитого солдата автомат и, пригнувшись, рванул к ближнему леску за укреп районом.

Когда вломился туда, оглянулся: сзади, метрах в тридцати, бежал один из пленных, в черном бушлате, а за ним, настигая, двое в коричневых мундирах и с винтовками.

– Ложись! – передернул затвор Тим (беглец тут же упал), затем дважды рыкнул автомат, скосив набегавших финнов.

– Ходу! – снова заорал старшина и припустил вперед, парень за ним, хрипя и шатаясь.

Лес вскоре кончился, за ним открылось болото, которое беглецы преодолели вброд.

Налет между тем прекратился, в небе затихал далекий гул, сзади поднимался густой дым и слышались глухие взрывы.

– Теперь им не до нас, – утер пот с лица старшина.

– Ага, – просипел парень в бушлате.

– Ну, все, потопали дальше, браток, – вскинул «суоми» на плечо Тим, – нужно уйти как можно дальше.

К началу вторых суток, двигаясь строго на восток и обходя мари, вышли на стоянку саамов.

Те накормили беглецов, и они уснули на шкурах в одном из чумов.

На следующий день самый старый, знавший русский, сообщил, что к ним наезжают финны с немцами за свежим мясом, после чего беглецы решили сразу же уходить, поблагодарив хозяев за гостеприимство. На прощание те выделили им в дорогу немного из своих запасов.

– Зря мы все-таки не остались у лопарей, – грустно сказал Сашка. – Отдохнули бы чуток, набрались сил – и дальше.

– И вовсе не зря. Ты ж слышал, к ним финны с немцами наезжают. Захотел снова в лагерь?

– Упаси бог, – ответил Сашка.

– Ну, значит, не ной. Ты, кстати, какого года призыва?

– Сорок первого.

– Считаю – салага.

– А ты?

– Тридцать девятого.

– И где ж ты, Санек, служил, небось при штабе?

– Не, на морском охотнике рулевым-сигнальщиком. Прошлым летом в Белом море нас финская лодка торпедировала. Командира и меня с боцманом взрывом за борт выбросило. Финны всплыли и подняли нас к себе на палубу. Командира тут же расстреляли. Затем, выяснив специальность, боцмана спихнули за борт, а я назвался коком, и меня не тронули.

– Чего ж это они?

– До этого мы несколько часов гоняли лодку по дну и бомбили, да так, что она соляром потекла. А кок на позиции им был здорово нужен – своего при взрывах кипятком обварило. Что я готовить не умею, финны поняли через пару часов, как погрузились. Очень рассердились и выбили мне половину зубов. Во, – ощерил Санька щербатый рот. – А как пришли в базу, сдали меня в лагерь. А ты, Тим, как туда попал? Ведь раньше я тебя почти не знал.

– Я до марта сорок первого служил на линкоре «Октябрьская революция». И был старшиной первой статьи, командиром отделения торпедистов, а еще призером флота по борьбе. Ну а потом стал диверсантом.

– Как это? – широко распахнул глаза Сашка.

– Да просто. Отобрали на кораблях пару десятков ребят покрепче – и на медкомиссию, а потом доставили к начальнику Кронштадтского укрепрайона адмиралу Ралю. И тот сообщил, что особым приказом главкома ВМФ все зачислены в специальную команду, где из нас будут готовить подводных диверсантов. До мая, на секретном полигоне, всех обучили водолазному и подрывному делу, а еще рукопашному бою и стрельбе. Затем, переодев в солдат, отправили самолетом в Белоруссию под Минск, где дислоцировалась воздушно-десантная бригада. Там обучили прыгать с парашютом, работе с рацией и прочему, короче, по полной программе. А тут война, флоту не до нас. Мы в этой бригаде и застряли. Уже в июне сорок первого нас забросили в тыл к немцам, под Минск. Там рвали их эшелоны с техникой и мосты, а еще громили небольшие гарнизоны. Потом, кто остался, вышли к своим, и всех доставили товарняком в Подмосковье. Дали немного отдохнуть, а в августе снова за линию фронта. Теперь уже под Ржев – немцы к Москве подходили. И там наделали шума. Когда же зимой сорок второго через Селигер прорывались к своим, меня осколком зацепило и сильно контузило. Очухался уже в плену, документов никаких, их перед заброской отбирали. Назвался сапером Василием Ивановым и оказался в финском лагере на строительстве укреплений, откуда мы с тобой и подорвали.

– Ну, ты даешь, – восхищенно поцокал языком Санька. – А я уж думал, ты и впрямь сапер.

– Еще какой, – рассмеялся Тим. – Слушай, а давай попробуем наловить рыбы, она в этом озере должна быть, птица ведь чем-то кормилась?

– Давай, – согласился Сашка. – Только вот чем будем ловить? Крючков и лески у нас нету.

– А это что? – отстегнул Тим с подкладки ватника и показал небольшой крючок и булавку. – Вот, пока ты в гостях дрых, я у хозяйского пацаненка за звездочку выменял. А это? – Сдернув с покрытой шрамами головы, бросил Сашке в руки старую лопарскую шапку, расшитую цветными нитками. – Так что бери нож, распускай их да плети леску, а я согну еще крючок, одного мало.

Друзья принялись за дело, и через час был готов еще крючок и метров пять шелковой лески.

Удочки соорудил Сашка, оказавшийся в прошлом заядлым рыбаком.

Вместо грузил он приспособил оторванную от каблука ботинка и разломанную на части подковку, вместо поплавков – обретенное какой-то птицей перо, а вместо удилиц – автоматный шомпол и срубленный финкой кривой ствол березки.

Нашлись в котомках и крошки оленьего мяса. После этого беглецы, собрав нехитрые пожитки, направились к озеру, где, выбрав место поудобнее, забросили в воду снасти, уставившись на полавки, вокруг которых поплыли круги, а потом исчезли.

Ожидания оправдались.

Через полтора часа на берегу поблескивали чешуей три небольших окунька и пяток малявок. Поскольку наживка закончилась, Сашка порезал одну на мелкие куски и насадил на крючки, поплевав на каждый.

Вскоре переносить голод стало невтерпеж, мешала уже пойманная добыча. Переглянувшись, они, не сговариваясь, воткнули удилица в мерзлоту и занялись костром.

Отбив кресалом пальцы, разожгли огонь, на плоские камни по бокам водрузили «котелок» с водой, опустив туда рыбу с несколькими найденными грибами.

Через некоторое время вода закипела, повалил ароматный пар, у беглецов задрожали ноздри.

– Готово, – сглотнул голодную слюну Тим и, подцепив котелок полой, осторожно поставил наземь.

– Вот только ложек нету.

– А вот и есть, – оживился Сашка, достав из кармана штанов с коротким черенком ложку, протянул ее напарнику.

– Ну, ты прям волшебник, – усмехнулся Тим, затем оба уселись в мох и, обжигаясь, стали поочередно хлебать уху.

– Вкусно, – шмыгая носом, бормотал Сашка.

– Вкусно, – вторил Тим. – Это ж сколько мы горячего не ели, поди, неделю?

– Ну да, как от лопарей ушли. Слушай, старшина, а давай еще сварим, – предложил, когда банка опустела. – Жрать еще больше захотелось.

– Нет, – решительно сказал Тим, – хватит. Завтра еще поедим, а пока давай спать.

Бледный шар солнца действительно висел у горизонта.

Друзья отгребли с места, где тлел костер, прогоревшие угли и улеглись на чуть теплую землю, сунув под головы котомки.

– Сань, а ты родом откуда? – сонно поинтересовался Тим.

– Из Питера.

– Кем был?

– Школьником, учился в десятом классе.

– А я из Ростова. У нас там арбузы и лето те-е-плое...

* * *

Проснулся Тим от тревожного чувства. На вершине ближней сопки стояли два полярных волка и внимательно смотрели вниз на них с Сашкой.

Он тут же схватил автомат, громко выругался и передернул затвор. Оскалив клыки, волки, злобно зарывав, исчезли.

– Тим, ты чего? – захлопал сонными глазами встревоженный напарник.

– Волки. Я таких никогда не видел, ростом с теленка.

– Ты знаешь, – наморщил лоб Сашка, – я где-то читал, на людей с ружьем они не нападают, разве только раненые. Запаха железа и пороха боятся.

– Может, и так, – ответил Тим, стирая с автомата обильно покрывшую его росу. – Эх, нам хотя бы десяток патронов. Вот нарвемся в тундре на егерей, и хана.

Отщелкнул у «суоми» рожок, еще раз убедился, что тот пуст, и, огорченно вздохнув, вставил на место.

– Зато ты двух фрицев убил. А нарвемся, живыми не дадимся, ведь так?

– Конечно, не дадимся, а пока давай проверим снасти, может, еще чего поймалось.

Но их ждало разочарование. Одна удочка исчезла, а на той, что с шомполом, было пусто.

– Видать, крупная рыба утащила, – уверенно заявил Сашка, – когда спали.

Затем парни вновь собрали веток, развели костер и сварили похлебку из рыбьих остатков.

Через час, забросив на плечи нехитрый скарб, моряки шли дальше, на восток, в растянутое пространство тундры, искрящееся на солнце.

Глава 2

Лубянка

Москва. Июнь 43-го. Лубянка. Управление военной контрразведки.

В кабинете с высоким потолком и зашторенными окнами сидели за столом трое. Преклонных лет генерал, со знаком «Почетный чекист» и двумя орденами Красного Знамени на кителе, сухощавый полковник и борцовского вида майор.

Генерал был заместителем начальника ГУКР Смерш Абакумова и, помимо этого, курировал вопросы, связанные с поставками союзниками на территорию Советского Союза военных грузов.

– Надеюсь, все ясно? – обратился к офицерам, обведя тех выцветшими глазами.

– Так точно.

– Вы, Алексей Иванович, – уткнулся начальственный взгляд в полковника, – лично отвечаете за проведение всей операции, с момента получения груза в Москве и до передачи его военно-морскому атташе США в Мурманске. Об исполнении немедленно доложите мне по ВЧ. На этом все, удачи.

Полковник с майором встали и, простившись, вышли из кабинета.

Когда за ними закрылась дверь, генерал взял лежавшую перед ними папку с грифом «секретно», встал и, скрипя сапогами по паркету, прошел к стоявшему в углу несгораемому сейфу.

Отрыв дверцу, положил ее внутрь, взял другую и вернулся на место, взглянув на наручные часы. Стрелки показывали второй час ночи.

Затем, усевшись в кресло, достал из кармана портсигар, размяв в пальцах папиросу, закурил и надавил вмонтированную в стол кнопку.

– Слушаю, товарищ генерал! – возник на пороге молодцеватый адъютант в скрипучих ремнях, синяя околышем фуражки.

– Крепкого чая и не беспокоить, – последовало приказание.

Адъютант молча козырнул и беззвучно вышел.

Спустя несколько минут начальник прихлебывал из подстаканника чай, листая отпечатанные на машинке страницы и делая на них пометки карандашом в желтом пятне настольной лампы.

На следующее утро к шлагбауму контрольно-пропускного пункта одного из подмосковных военных аэродромов подъехали эмка и армейский «студебекер» с брезентовым тентом.

Сидевший за рулем легковушки капитан предъявил начальнику караула удостоверение контрразведки Смерш, тот козырнул, и машины покатали к стоявшему на взлетной полосе дальнему бомбардировщику Ил-4.

Рядом с самолетом автомобили остановились, из эмки вышли уже упомянутые полковник и майор.

На землю тут же спустился летчик, приложив руку к виску, доложил о готовности к полету.

– А как с сопровождением? – поинтересовался полковник.

– Звено истребителей Северного флота, присоединятся к нам в районе Архангельска.

– Добро, Александр Иванович, приступайте к погрузке.

– С машины! – обернулся к грузовику майор.

Брезент «студебекера» откинулся, и на землю поочередно прыгнули вооруженные бойцы войск НКВД.

Они извлекли из кузова два защитного цвета деревянных ящика, погрузили их через открытый бомболюк в самолет и влезли туда сами.

– Капитан, – наблюдая за погрузкой, обратился полковник к стоявшему рядом командиру самолета. – Прикажите экипажу оставить все парашюты на аэродроме.

– Не имею права, товарищ полковник. Это нарушение летной инструкции.

– Я приказываю! У меня инструкция наркома НКВД. Вопросы?

– Слушаюсь, – ответил командир.

Через минуту бортмеханик сбросил вниз четыре парашюта. Затем офицеры поднялись на борт, бомболюк закрылся.

Взвыли моторы, бомбардировщик покати по взлетной полосе и, убыстряясь, оторвался от серого бетона.

Когда он набрал высоту, а рев двигателей сменил ровный гул, полковник достал коробку «Казбека».

Сидевшие позади на дюралевой скамейке бойцы молчали, двигатели монотонно гудели, навевая дремоту и отрешенность.

Докурив папиросу, полковник поднял воротник плаща (отсек не отапливался) и задумался.

Он служил в контрразведке давно, начиная с двадцатых. Принимал участие в боях с японцами на Халхин-Голе, в Финскую кампанию возглавлял зафронтовую разведгруппу, вслед за чем был переведен в центральный аппарат на Лубянку.

А поскольку владел английским языком (освоил на курсах переподготовки), Азарову поручили выполнение особо важного задания.

Доставку в Мурманск для передачи американцам партии золотых слитков, в счет оплаты осуществляемых ими в СССР военных поставок.

Именовались они ленд-лиз и являлись государственной программой, по которой США поставляли своим союзникам во Второй мировой войне боеприпасы, технику, продовольствие и стратегическое сырье, включая нефтепродукты. Первоначально в программу вовлекались страны Британской империи и Китай, а с ноября 1941-го к ней присоединился СССР, несший основное бремя войны на Восточном фронте.

Все это полковник хорошо знал и сознавал ответственность полученного задания.

Пронизывая кучевые облака, машина плыла над Среднерусской возвышенностью в сторону Баренцева моря.

Глава 3

Бой железных птиц

Заполярье. Июнь 43-го. Лапландия.

Над голубыми тундрами, с сияющим в небе солнцем, отсвечивая плоскостями, барражировали два «Мессершмитта-109».

Не так давно обе машины взлетели с аэродрома в Финляндии, ведя в воздухе «свободную охоту».

В головном истребителе сидел командир авиаэскадрильи майор Рихард Шульц. Он воевал давно и успешно, сначала в Испании, а потом во Франции и Польше.

Прикрывал командира лейтенант Отто фон Вернер. Это был его пятый боевой вылет.

На очередном вираже, взмыв высоко в небо, майор заметил на горизонте черную точку. Через пару секунд она увеличилась, обретая контур самолета.

– Внимание, Отто, – сказал в ларингофон майор. – Вижу цель, идем на сближение!

Мессеры, включив форсаж, набрали скорость и, зайдя со стороны солнца, со звоном ввинтились в пространство.

Однако на самолете – а это был идущий на предельной высоте бомбардировщик – их заметили, он резко изменил направление и стал уходить в сторону моря. Но скорости машин были несопоставимы, вскоре в небе завязался бой, неравный и смертельный.

Русский самолет вел опытный пилот, умело уклонявшийся от атак, маневрируя по тонгажу и курсу, одновременно выставив огневой заслон из своих «шкасов».

– Осторожно, Отто, не горячись, – цедил в ларингофон майор. – Постараемся взять его в клещи и посадить на наш аэродром.

– Слушаюсь, герр майор, – отвечал ведомый, и воздушный бой продолжался.

Но исполнить свой план Шульцу не пришлось.

При очередной атаке «мессершмитт» напарника срезала меткая очередь турельного пулемета бомбардировщика.

Волоча за собой шлейф дыма, истребитель вошел в штопор и с воем врезался в сопку. За несколько секунд до этого из него выбросился летчик.

Однако времени на полное раскрытие парашюта не хватило, пилот камнем полетел к земле, под завившимся в спираль куполом.

Русский самолет был тоже поврежден.

Из-под капота правого двигателя вырывались языки пламени, а верхний пулемет умолк, уставив неподвижный ствол в небо.

Оставшийся мессер почти в упор стал расстреливать теряющий ход и маневренность самолет, всаживая в него очереди.

Теперь Шульц ждал главного. Когда из подбитой машины начнут выбрасываться русские летчики. Их так забавно убивать под куполом парашюта, что он уже многократно делал.

Но из машины так никто и не выпрыгнул. Она дотянула до низкой гряды сопки, где рухнула в тундру.

– Упрямые иваны, – прошипел сквозь зубы майор, и его истребитель, заложив над местом гибели бомбардировщика вираж, растаял в пустом небе...

Старый лопарь Ярви со склона поросшей ягелем сопки, на берегу обширного, с заливами озера, внимательно наблюдал за смертельным боем железных птиц в небе. Раньше такого в этих местах не случалось, но времена изменились.

В тундре появились злые люди, которые обижали его племя и угоняли стада, а в небе вот такие птицы, убивающие друг друга.

Из-за них и зверя стало меньше, и рыбы – словом, плохие люди.

А на ту большую железную птицу, что последней упала за дальнюю сопку, надо обязательно взглянуть. Прошлой зимой он уже находил такую, однако поменьше. И совершенно целую, с мертвым белолицым человеком внутри.

У него он взял кожаную шапку и сумку на длинном ремешке. А еще красивый черный амулет с шеи, в виде креста, и все отвез в финское село, старосте Ульффу.

Год назад тот приезжал со злыми людьми в стойбище, приказав лопарям сообщать о всех чужих людях в тундре, живых и мертвых. Обещая богатую награду – муку, спирт и табак.

Староста не соврал. Обрадовался амулету с сумкой, дал мешочек муки, немного спирта и табаку. А затем заставил показать то место злым людям, которые увезли мертвеца на самоходных санях и зачем-то сожгли железную птицу.

Ярви выбил о темную ладонь давно погасшую трубку, поправил висящее за плечами старое ружье и сел на ездового оленя, привязанного рядом к кусту.

– Йо, сэрвес! – поддал тому в бока сыромятными ярами и затянул горловую песню.

Через пару часов, объезжая мари с озерцами, он был на месте падения самолета.

Загадочная железная птица лежала в неглубокой ложбине. От удара о землю у нее отвалилось одно из длинных, с красными звездами крыльев и лопнуло брюхо.

Старик привязал оленя к кривой березке, бесшумно ступая, опасливо приблизился к самолету. В нескольких шагах от машины остановился, внимательно ее рассматривая и приложив руку к уху. Ответом была звенящая тишина да тихий клекот журавлей, тянувшихся вдалеке клином к югу.

Ярви бесшумно снял с плеч ружье, положив его на мох, и осторожно заглянул в огромную дыру в корпусе. Затем, поколебавшись, забрался через нее в пахнувший сыростью самолет.

Взгляду предстали не подающие признаков жизни, разбросанные внутри тела мужчин в одинаковой одежде.

Стараясь не шуметь, лопарь, мягко ступая по искореженному металлу, начал трогать каждого. Люди были мертвы, все одиннадцать.

Затем его внимание привлекли сжатые в руках у некоторых короткие ружья. Такие старик видел у финнов, приезжавших отбирать оленей и перестрелявших часть стада. Колдовское оружие, выпускающее целый рой пуль, хорошее для охоты.

Он вынул из ледяной руки одно и повесил себе за спину.

Внезапно внутрь проник луч катящегося к горизонту солнца, и в нескольких местах под ногами Ярве вспыхнули блики.

Издав возглас удивления, он нагнулся и поднял небольшой, матово отсвечивавший слиток.

На нем имелось клеймо: солнце в обрамлении колосистых трав, а еще непонятные знаки.

Лоб старика покрылся испариной – то было золото, таинственный металл белых. Он много слышал о нем и даже видел у шамана несколько золотых монет с изображением бородатого человека.

Тот уверял, что за них можно купить большое стадо оленей. Шаману можно верить, ему обо всем рассказывают духи.

Но золото Ярве не нужно. Он отнесет слиток старосте и получит за него награду: муку, спирт и табак, а вот короткое ружье спрячет для охоты. И еще возьмет в подарок внуку вон то зеленое яйцо, что валяется у пробоины.

Старик наклонился и поднял с рифленого пола гранату Ф-1, приблизив ее к лицу, довольно цокая губами.

– Красивое яйцо, вот только какая-то железка сбоку, надо оторвать.

Потянул за чеку (та отскочила), и спустя мгновение в самолете раздался взрыв.

Грохот, прокатившись эхом по окрестностям, спугнул белохвостого оленя, вихрем умчавшегося в тундру.

Глава 4

Вершители судеб

Во второй половине того же дня в Москве, не дождавшись из Мурманска условленного звонка, пожилой генерал связался по ВЧ с начальником контрразведки Смерш Северного флота.

– Здорово, адмирал.

– Рад вас слышать, Виктор Петрович

– Где там мои люди, почему не выходят на связь?

– Самолета пока нет. Кстати, истребители сопровождения с архангельского аэродрома взлететь не смогли. Там сплошная облачность и туман.

– Все ясно. Ну, ты там смотри, обеспечь встречу, и, как только сядут, пусть Азаров сразу же отзвонится.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Генерал с досадой положил трубку на рычаг и взглянул на циферблат стоящих в углу кабинета напольных часов. Они гулко отбили пятнадцать ударов.

В 18.00 ему вместе с начальником ГУКР Смерш, генерал-полковником, докладывать о результатах операции наркому внутренних дел. А тот после полуночи лично проинформирует обо всем главноверха.

Контрольное время еще не вышло, но задержка самолета, а также отсутствие у того сопровождения генерала не на шутку встревожили, и он вызвал адъютанта.

Тот появился, как всегда, мгновенно, подобострастно вытянувшись в ожидании приказаний.

«Явный холуй, пора на фронт отправлять», – неприязненно подумал генерал, после чего распорядился:

– Немедленно поезжай в штаб ВВС и выясни, что с самолетом. Пусть свяжутся со всеми штабами ПВО по линии его маршрута. Доложишь через час. И не тянись ты, как солдафон, здесь не плац. – Генерал поморщился.

– Слушаюсь! – щелкнул каблуками начищенных сапог майор и покинул кабинет, унося с собой запах «Шипра».

Генерал вздохнул и вспомнил прежнего порученца, несколько месяцев назад арестованного за шпионаж в пользу Японии. «Какой, на хрен, шпионаж? – ругнулся про себя. – Просто шла очередная чистка рядов, начиная с тридцатых.

А ведь какой парень был. Линию Маннергейма штурмовал и в зафронтовых поисках участвовал. Да что там вспоминать, не ровен час и самого в чем-нибудь обвинят как старого чекиста. Сколько из них молодая смена уже поставила к стенке и засадила в лагеря по разного рода сфабрикованным обвинениям да наветам».

Невеселые думы прервал зуммер внутренней связи. Он покосился на аппарат и взял трубку.

– Ну, как там дела с нашим самолетом? Азаров докладывал? – послышался из нее напористый баритон начальника управления.

– Пока нет, товарищ генерал-полковник. Контрольное время еще не вышло.

– Добро, – ответил тот и сразу же отключился.

Заместителя наркома обороны и начальника ГУКР Смерш Народного комиссариата обороны СССР Абакумова генерал Иванов знал еще с 1937 года, когда тот был сначала оперуполномоченным, а потом начальником отделения ГУГБ НКВД.

После реорганизации наркомата, в сорок первом, Абакумова назначили на эту должность, которую он исполнял рачительно и довольно успешно, чем заслужил благосклонность главковерха и «отца народов».

Докладывать начальнику о разговоре с адмиралом Грозовым Иванов не стал. Преждевременно. У того и так было много забот поважнее.

Готовилось новое наступление на Орловско-Курской дуге, и вся контрразведка стояла на ушах, активизируя свою деятельность.

Формировались и отправлялись за линию фронта разведывательно-диверсионные группы, осуществлялся активный поиск и ликвидация вражеской агентуры в тылах наших войск, велось несколько серьезных радиоигр с разведкой абвера на направлении главного удара.

И все это было на плечах начальника Смерша, тот даже ночевал в кабинете, откуда выдавал руководящие директивы, обеспечивая их жесткое исполнение, а также казнил и миловал.

Осторожно приоткрылась обитая дерматином дверь, и появилась голова адъютанта.

– Разрешите?

– Заходи. Ну, что выяснил?

– В штабе ВВС сообщили, что в назначенное время самолет приземлился на военном аэродроме Вологды, дозаправился и последовал по дальнейшему маршруту.

– Это точно?

– Да, я дополнительно связался с начальником контрразведки дислоцирующегося там авиаполка, тот это подтвердил.

– Свободен. Готовься завтра в командировку на Северо-Западный фронт, засиделся ты у меня.

– Есть, – побледнел адъютант, бесшумно исчезая за дверью.

Без четверти пять вечера генерал еще раз позвонил Грозову и, выслушав доклад, приказал организовать поиски исчезнувшего самолета.

– Уже занимаемся, Виктор Петрович, – ответил тот. – На это ориентированы все находящиеся в воздухе самолеты морской авиации и наземные службы ПВО флота.

– Возьми это дело под самый жесткий контроль, подключи оперативный состав, о результатах докладывай мне лично, каждый час.

– Слушаюсь.

Генерал положил трубку на рычаг, взглянул на часы и с первым из семнадцати ударов вышел из кабинета, прихватив со стола папку с тиснением «К докладу».

Когда, тяжело ступая по ковровой дорожке, он появился в кабинете начальника управления, тот, беседуя по телефону, кивнул на стул.

– С захваченной группой разбирайтесь у себя, – продолжил в трубку. – А старшего и радиста утром на Лубянку. Справку об операции, за твоей подписью, по телетайпу немедленно мне. И обязательно укажи фамилии всех участников. Через час я буду у наркома, где обо всем доложу. Молодцы. Хорошо служите.

Затем Абакумов положил трубку ВЧ, сделал какие-то пометки в настольном календаре и удовлетворительно хмыкнул.

– Не ошиблись мы с тобой, Виктор Петрович, – взглянул на Иванова. – Правильно выпарапали Рыбакова с Дальстроя, хотя кое-кто и возражал. Блестяще провел разработку. У нас под колпаком резидентура абвера в Куйбышеве и в руках сброшенная этой ночью для ее усиления группа диверсантов с радистом. А какой там стратегический объект, ты знаешь. Есть о чем докладывать наркому.

– Хорошо бы еще жену Рыбакова найти. Она где-то на Севере, – тихо произнес генерал. – С ней тоже поступили несправедливо.

– Уже поздно, – отвел Абакумов глаза. – Ну да ладно, вернемся к нашим баранам. Что там с вояжем к американцам?

– Плохо, Виктор Семенович. Самолет исчез.

Карандаш в начальственной руке с сухим треском лопнул.

– Исчез? Да ты что, шутишь?!

– Какие тут шутки. В Мурманске он не приземлялся.

Абакумов нервно закурил, выпустил из ноздрей дым и нахмурился.

– Давай подробней.

Иванов обстоятельно доложил все известные ему обстоятельства.

– Старшим группы у тебя там кто, Азаров?

– Да. С ним Коваленко и отделение автоматчиков из ОМСБОН.

– А экипаж?

– Лучший в полку. Больше сотни боевых вылетов, и по нашей линии чисто.

– Машина?

– Дальний бомбардировщик Ил-4, недавно с завода.

– Сопровождение обеспечили?

– Так точно. Два истребителя морской авиации на подлете к Архангельску. Но в назначенное время взлететь они не смогли. Низкая облачность с туманом, остались на аэродроме.

– Поиски организовали?

– Да.

– Какими силами?

– Дежурной авиацией с находящимися в море кораблями Северного флота и нашими подразделениями. Я думаю, если с самолетом что случилось, то только над морем или тундрой. Немецкой авиации там хватает.

На минуту в кабинете наступила почти осязаемая тишина, нарушаемая размеренным стуком напольных часов да глухим шумом автомобилей со стороны площади Дзержинского.

– Послушай, Виктор Петрович, – нарушил затянувшееся молчание Абакумов. – Ты хоть представляешь, что с нами будет, если исчезнет груз? Ведь это на несколько десятков миллионов рублей золота для оплаты союзникам ленд-лиза.

– Вполне, – кивнул седым ежиком генерал. – Мы предпринимаем все от нас зависящее.

– Значит, не все, если до сих пор нет ясности! – жестко парировал начальник. – Иди и продолжай поиски. Задействуй все, что в наших силах. Ты это умеешь. И держи меня в курсе. Иначе, сам знаешь... не помогут никакие заслуги. Там, – показал на потолок, – не простят.

– Слушаюсь, – ответил заместитель, после чего встал, пошагав к двери.

Через полчаса, внимательно ознакомившись с занесенной ему дежурным шифровальщиком справкой, полученной из Куйбышева, Абакумов завизировал ее, положил в красную папку, а затем поднялся в приемную наркома.

Открыв дверь и войдя в обширное светлое помещение с портретом вождя на стене, кивнул сидевшему за столом с несколькими телефонами молодому полковнику-кавказцу и присел на один из стоявших в приемной стульев.

Спустя некоторое время на столе у адъютанта зазвонил телефон. Приложив трубку к уху, полковник издал гортанное «слушаюсь!», вслед за чем предложил пройти в кабинет.

Тот встал, одернув китель, и прошагал к двери, с чувством внутреннего напряжения.

Удобно расположившись за обширным столом, нарком внимательно читал «Правду». Затем на миг оторвался и, холодно блеснув стеклами пенсне, предложил Абакумову сесть, что тот и сделал.

– Правильно пишет Пospelов о гении товарища Сталина, – темпераментно взмахнул Берия рукой и с удовлетворением отложил газету. – Очень правильно! Ты, кстати, читал?

– Не успел, Лаврентий Павлович, с утра работы невпроворот.

– А зря, обязательно почитай, там и о нас сказано, – потыкал в газету пальцем, – вооруженном отряде партии. Ну да ладно. С чем пришел? Давай, порадуй.

– Первая новость хорошая, товарищ нарком, – доложил начальник Смерша. – В Куйбышеве вскрыта резидентура абвера и ночью захвачена выброшенная для работы с ней диверсионная группа, вместе с радистом и передатчиком.

Вслед за этим открыл папку, взял из нее справку и положил перед наркомом.

– Вах! – оживился Берия, взяв документ, и стал его внимательно читать.

– Это действительно стоящая весть! – воскликнул, лучась довольством. – Будет о чем доложить товарищу Сталину. Кто у тебя в Самаре начальник?

– Полковник Рыбаков. Вы его должны помнить, Лаврентий Павлович.

– Как же, помню. Это о котором ты мне год назад все уши прожужжал. Ну что ж, доверие он оправдал, готовь документы на генерала. Присвоим второй раз. Хозяин, думаю, возражать не станет. И всех участников операции представь к наградам, заслужили. А это дело возьми на личный контроль.

– Слушаюсь, – посветлел лицом Абакумов. – Немедленно все подготовлю и сделаю. А вот вторая новость, Лаврентий Павлович, неважная, не знаю, как и сказать.

– Чего уж там, говори, – благодушно сказал нарком. – Я сейчас добрый.

– Самолет с золотом для союзников исчез...

Эти слова произвели эффект взрыва бомбы.

Берия выпучил глаза, приподнялся в кресле и налился гневом.

– Ты понимаешь, что несешь? Откуда такие сведения?!

– Из наших источников.

– Плевать я хотел на твои источники! Говори конкретно! – задрожал щеками хозяин кабинета.

– От начальника Смерша Северного флота и командования ВВС.

– Да они там что? Умом тронулись?!

– Никак нет, согласно полученным докладом, самолет с грузом и опергруппой благополучно прибыл в Вологду, там дозаправился и вылетел на Архангельск. Затем испортилась погода, и к месту назначения, в Мурманск, он так и не прибыл. Бесследно исчез. Скорее всего, где-то совершил вынужденную посадку. Сейчас ведутся его активные поиски, но пока безрезультатно.

Нарком достал из кармана белоснежный платок и утер обильно вспотевший лоб. Затем вскинул льдистые глаза на вытянувшегося перед ним Абакумова и прошипел:

– Исчез, говоришь? Да ты хоть представляешь важность этой операции?

– Да, товарищ нарком. Она касается будущих взаиморасчетов по ленд-лизу.

– Вот именно, – вновь побагровел Берия, – будущих! Мы должны показать союзникам, что уже сейчас готовы выполнять отсроченные платежи по ним. Чтоб Рузвельт и Черчилль в нас не сомневались и не саботировали отправку жизненно необходимых стране грузов через Арктику с Ираном. Это же большая политика! – вскинул над головой руку. – И что прикажешь мне теперь докладывать товарищу Сталину? Что груз испарился?!

Берия снова утер лоб платком, налил себе в стакан боржоми из стоящей на столе бутылки, жадно выпил.

– Товарищ нарком, – отчеканил генерал. – Мы сделали все, что в наших силах. Погоде не прикажешь.

– Но ее можно было предвидеть! Для этого синоптики есть! Кто у тебя готовил операцию?

– Один из моих заместителей, генерал Иванов.

– Это тот старый баран, который еще с Кедровым работал?

– Он опытный чекист и хороший организатор.

– Вот и организовал, мать бы вас! Значит, так. Синоптиков, прозевавших погоду, арестовать и отдать под суд. С твоим заместителем я сам разберусь, а пока отстрани его от дел. Мне сюда, – нарком потыкал в стол пальцем, – подробную справку обо всем и план мероприятий по розыску груза. Немедленно организуй опергруппу из самых опытных розыскников, перебрось их в Вологду. Оттуда пусть и начинают. Если в ближайшее время не найдешь самолет – пеняй на себя. Пока свободен.

Абакумов, деревянно ступая, покинул кабинет, чувствуя, как ему смотрят в затылок.

Спустившись к себе, он вызвал Иванова и приказал ему в течение часа подготовить необходимые наркому документы.

– Потом занесешь их мне – и иди отдыхай, Виктор Петрович. До особого распоряжения.

– Я отстранен от дел? – пожевал губами заместитель.

– Да. И это не мое решение.

В назначенное время Иванов принес стопку отпечатанных бумаг и положил Абакумову на стол, присев напротив. Тот их внимательно просмотрел, одобрительно кивнул, а потом размашисто начертил сверху «Утверждаю».

Все это время заместитель напряженно молчал, слушая, как маятник часов размеренно отсчитывает минуты.

– Ну что ж, Виктор Петрович, план, как всегда, дельный, – поднял от бумаг глаза начальник. – Будем работать. А ты иди домой, не томи меня. Может, еще и пронесет. Найдем мы этот чертов самолет...

Вернувшись к себе, Иванов достал из шкафа защитную фуражку, плащ, оделся и поднял телефонную трубку – вызвать машину. Несколько секунд подержал ее в руке, а потом опустил на рычаг, горько улыбнувшись.

Из здания вышел пешком, кивнув на прощание охране, и неспешно пошагал в сторону метро с тем же именем, что и площадь.

Доехав в гремящем на стрелках вагоне до Парка культуры, Виктор Петрович поднялся наверх и пошел в сторону Фрунзенской набережной, где недолго постоял у закованной в гранит Москвы-реки с уставившейся в небо длинными стволами зенитной батареи.

Затем направился к ведомственному кирпичному дому, поднялся по гулким ступеням на второй этаж и отпер обитую дерматином высокую дверь. Прикрыв ее за собой, включил в прихожей свет, снял плащ с фуражкой, водрузив на вешалку и, ступая сапогами по разохшемуся паркету, прошел на кухню.

Там, достав из кухонного шкафа початую бутылку водки со стаканом, сел за стол и наполнил его до краев. С отворачиванием выпив, поставил стакан на стол и прошел в одну из комнат.

Последнее время он жил один. Единственный сын, летчик, погиб в Испании еще в тридцать восьмом. Жена умерла спустя год, узнав о его смерти. С началом войны Виктор Петрович наведывался сюдаходя, дня и ночеу на службе.

Включив настольную лампу, он прошел к окну, сняв давно уже не нужную бумагу светомаскировки, затем присел к рабочему столу и выдвинул один из ящиков.

Оттуда извлек наган с врезанной в рукоять латунной пластиной и надписью на ней «За безупречную службу от коллегии ОГПУ» и небольшой альбом в бархатном переплете. Наган сунул в карман галифе, а с альбомом прилег на старый кожаный диван, пытаясь забыться.

Когда часы в гостиной пробили полночь, во дворе дома послышался шум въезжающего автомобиля.

Генерал встал с дивана и подошел к окну. Из остановившейся у подъезда эмки вышли трое людей в кожаных плащах, неспешно пройдя в парадное.

Через минуту тишину квартиры нарушил длинный звонок в дверь. Ответом был приглушенный выстрел...

В это же время по блестящему после дождя Калининскому проспекту в сторону Кунцево мчались два черных автомобиля – «паккард» и ЗиС. На заднем сиденье первого, покачиваясь на мягком сиденье и надвинув на лоб шляпу, глядел в пространство – Берия, а в следующим за ним на некотором удалении – Абакумов.

Грозный нарком ехал на доклад к Сталину, на его «ближнюю дачу», а начальника контрразведки прихватил с собой в качестве возможного козла отпущения.

Примерно через двадцать минут, урча моторами, автомобили въехали на засаженную деревьями территорию тщательно охраняемого двухэтажного особняка и остановились перед входом. Прибывшие вышли из машин, хлопнули дверцы, оба проследовали в дом, Берия впереди, Абакумов сзади.

Переступив порог, они оказались в небольшом тамбуре, откуда прошли в прихожую.

На ее стенах, отсвечивая гляncем, висели две большие карты: одна армейская, с нанесенной линией фронта, вторая географическая, с обозначением наиболее важных объектов и строек в СССР.

Здесь же, в полукруглой нише, имелась настенная вешалка, рассчитанная на пару десятков персон, несколько мягких стульев, высокое зеркало, а также набор щеток для чистки платья и обуви. На паркетном полу алел бухарский ковер ручной работы с замысловатым узором.

– Ты пока здесь посиди, подумай, – обернулся нарком к генералу, вешая на крючок шляпу и приглаживая жидкие волосы, – а я к Хозяину.

Абакумов кивнув, снял фуражку и присел на один из стульев, а Берия прошел в дальнюю часть прихожей и осторожно постучал в первую слева дверь. Затем вошел, тихо прикрыв ее за собой.

Переступив порог, нарком оказался в просторной комнате, с потрескивающими в камине поленьями и стоящим напротив затененных шторами окон, у глухой стены, кожаным диваном.

В центре помещения, ближе к огню, за широким столом, с разложенной на нем картой, усеянной многочисленными отметками, сидел и делал какие-то пометки в бумагах человек в полувоенном костюме и с погасшей во рту трубкой.

Рядом с ним, у локтя, остывал чай в подстаканнике, чернела коробка папирос «Герцеговина Флор» и спички.

– Разрешите, товарищ Сталин? – нарушил тишину Берия.

Человек продолжил писать, затем неспешно отложил в сторону остро отточенный карандаш и поднял голову:

– Проходи, Лаврентий. С чем пожаловал?

– Как обычно, по делам, Коба.

– Все у тебя дела, совсем заработался. – Человек взял спички, чиркнул одной и раскурил трубку. – Ну а теперь садись, рассказывай о делах, – сделал пригласительный жест наркому.

Тот присел на стул у приставного стола, положив перед собой папку.

Затем доложил о раскрытой в Куйбышеве немецкой резидентуре, а также захваченной диверсионной группе.

Вождь заинтересованно выслушал его и одобрительно хмыкнул.

– Значит, и туда добрались, подлецы, к нашим засекреченным объектам. Кто проводил операцию, НКВД?

– Нет, товарищ Сталин, военная контрразведка, Абакумов.

– Молодцы контрразведчики, пришли мне официальный документ.

– Он со мной. – Щелкнув кнопками, Берия достал из папки справку и передал Сталину. Тот ее внимательно прочел и погладил усы.

– Значит, будут работать под нашим контролем? А, Лаврентий?

– Да, – ответил тот. – И дезинформировать противника о планах нашего предстоящего наступления.

– А какой это Рыбаков, не тот ли, что при Ежове арестовали?

– Именно, за него Абакумов с Ивановым ходатайствовали.

– Помню, – кивнул Сталин, вынимая изо рта трубку и бережно кладя ее на бумаги. – Всех представить к наградам, а Рыбакова восстановить в звании. Он оправдал наше доверие. Ответственно работает Абакумов, пусть твой Кабулов у него поучится.

Берия поежился после заключительных слов «отца народов» и попытался что-то сказать в оправдание.

– С этим все. Решили, – отмахнулся тот. – Что дальше?

– Товарищ Сталин, – втянул голову в плечи нарком, – у нас ЧП. Самолет с грузом золота для союзников пропал.

Рука вождя, которой он собирался взять трубку, чуть вздрогнула и легла на стол.

В сузившихся глазах появился хорошо знакомый наркому золотистый блеск – предвестник нарастающего раздражения.

– Как так пропал? Это тебе что, иголка?

– Утром взлетел и не приземлился в назначенное время в Мурманске.

– Почему только сейчас докладываешь?

– Не хотел до времени тревожить. В том районе была густая облачность, и он, возможно, сбился с курса или совершил вынужденную посадку. Организован активный поиск всеми имеющимися средствами.

– Результаты?

– Пока ничего. Час назад отправили в Вологду, где он садился на дозаправку, оперативную группу из Главного управления контрразведки.

– Операцию организовывал Абакумов?

– Так точно, под моим контролем.

– Где он?

– Ожидает в прихожей.

– Зови, – шевельнулись усы. – Будем разбираться.

Берия вышел, вернувшись с генералом.

– Здравия желаю, товарищ Сталин! – вытянулся тот, сделав несколько шагов к столу.

– И тебе не хворать.

Вождь медленно поднялся с кресла (нарком тут же встал) и, неслышно ступая по ковру ногами в мягких сапогах, подошел к Абакумову.

– Кто у тебя непосредственно занимался подготовкой операции? – взглянул снизу вверх.

– Генерал-майор Иванов, мой заместитель.

– Снова Иванов, – обернулся Верховный к Берии. – Да он у вас, я смотрю, незаменимый.

Затем, сутулясь, вернулся к столу, набил трубку и, чиркнув спичкой, раскурил ее, окутавшись дымом.

– А знаете ли вы, что это народное золото, добытое кровью и потом, – вкрадчиво обратился вождь к застывшим с побледневшими лицами чекистам.

Те молча кивнули.

– И как оно политически важно для активизации поставок по ленд-лизу, тоже знаете, – констатировал Сталин. – Так это что? Предательство или саботаж?

Ответом было тягостное молчание.

– Ты, Лаврентий, найди виновных и примерно накажи их, – ткнул чубуком в сторону Берии.

– Уже занимаюсь, товарищ Сталин, – сделал решительное лицо тот. – Лично.

– А ты, – вперил вождь палец в Абакумова, – отыщи самолет. – Идите пока. Оба.

Нарком с генералом повернулись и бесшумно вышли из кабинета, чувствуя спинами гипнотический взгляд Верховного.

В прихожей нарком дрожащей рукой вынул из кармана платок, утирая повлажневшее лицо, а начальник Смерша приложил ладонь к дергающемуся нервным тиком глазу.

Между тем светало.

В кронах деревьев шелкала какая-то птица, за дальним сосновым бором занималась розовая заря. Они полной грудью вдохнули холодный предутренний воздух и сели в ожидавшие покрытые росой машины.

– На Лубянку, – поправив шляпу, бросил шоферу Берия, после чего автомобили тронулись в обратный путь к столице.

Глава 5

Герои Нарвика и Крита

Подлетая к аэродрому на окраине лесного массива, Шульц запросил разрешение на посадку и, приземлив самолет, подрулил к алюминиевому ангару. К нему тут же заспешил механик, а за ним несколько летчиков эскадрильи.

Заглушив двигатель, майор сдвинул назад фонарь, выбрался из кабины и, спустившись вниз, освободился с помощью механика от парашюта.

– А где же Отто, герр майор? – поинтересовался кто-то из пилотов.

– Погиб во славу рейха, – поглядел на него прозрачными глазами командир.

– Макс, – обратился затем к механику, – проштампуй на капоте еще один крест. Мы с лейтенантом сбили дальний бомбардировщик русских.

– Яволь, господин майор, – щелкнул тот каблуками. – Будет сделано!

К группе, стоявшей у «мессершмитта», рысцой подбежал дежурный по эскадрилье, доложив майору обстановку.

– Вызовите мне машину, – приказал тот и в сопровождении подчиненных пошагал к двухэтажному кирпичному строению, расположенному за ангарами.

Через час, благоухающий чистотой и облаченный в отутюженный мундир с двумя Рыцарскими крестами, Шульц уселся в подъехавший к дому черный «опель» и уехал на доклад к командиру полка в расположенный неподалеку городок Рованиemi, именуемый у финнов столицей Лапландии.

После европейских столиц эта дыра майору чертовски надоела, поскольку здесь не было ни одного приличного ресторана или борделя.

Штаб соединения разместился в каменном особняке в центре, с высокой, готического стиля крышей и широким крыльцом. Перед ним росло несколько карельских сосен, а у входа застыли два часовых с винтовками.

При появлении майора оба вздернули подбородки и вытянулись.

В расположенном на втором этаже, отделанном светлым кленом кабинете находился сам оберст, похожий на высохшую хищную птицу, и командир горнострелкового полка подполковник Вульф – коренастый и жизнерадостный крепыш.

Сидя в креслах друг напротив друга, они неторопливо пили кофе и обсуждали план взаимодействия в предстоящей наступательной операции.

– Хайль Гитлер! – выбросил руку в нацистском приветствии Шульц, появившись на пороге кабинета.

– С возвращением вас, Рихард, – сказал оберст, аккуратно поставив чашку на стол, и, подойдя к майору, пожал тому руку.

– Рад вас видеть, Рихард, – кивнул бритой головой Вульф, продолжая пить кофе.

– А где же наш юный «Зигфрид»? – поинтересовался оберст.

– Лейтенант Отто фон Вернер погиб в бою, – пафосно сказал майор. – Смертью героя.

Оберст, печально опустив глаза, вздохнул:

– Бедный мальчик, он был так молод.

«А к тому же еще чертовски богат», – подумал про себя Шульц.

– И кто же его сбил?

– Дальний бомбардировщик русских. Шел на Мурманск и отчаянно сражался. Я давно не встречал такого противника.

– Как погиб фон Вернер?

– Выбросившись из машины, он не успел раскрыть парашют и разбился.

Лицо оберста приняло скорбное выражение, и он нахмурил белесые брови. Вульф, участливо поморщившись, для вида вздохнул.

Затем командир гарнизона вернулся к столу, пригласив майора сесть, что тот и сделал.

– Курите, Рихард, отличные бразильские сигары, – придвинул к нему лакированную коробку. – Подполковник Вульф только что оценил их достоинство.

– Табак высший класс, – улыбнулся подполковник.

Шульц отрезал переданными ему оберстом миниатюрными щипцами конец извлеченной из коробки сигары, щелкнул зажигалкой, и его окутали клубы ароматного дыма.

– Ну, как вам? – поинтересовался Вульф.

– Недурно. Подобные я последний раз курил в Париже.

– О! Франция, – почмокав губами, закатил глаза майор. – Кафе, варьете, жизнерадостные парижанки. Это вам не Суоми со жгучими морозами и мужеподобными бабами.

– Господа, насколько вам известно, – обратился к офицерам оберст, – лейтенант Отто фон Вернер – отпрыск старинного германского рода и крестник самого рейхсмаршала. Я считаю своим долгом немедленно доложить ему об этом. Предлагаю встретиться через час.

Вульф с Шульцем встали, энергично кивнули и вышли.

Когда в назначенное время они снова появились, оберст внимательно изучал лежавшую перед ним карту.

– Присаживайтесь, господа. Шульц, вы можете показать место гибели Вернера?

– Безусловно, я этот квадрат хорошо знаю. Там озеро, напоминающее сверху оленью голову.

Командир эскадрильи встал, взял из подставки на столе синий карандаш и быстро нашел на карте нужное место.

– Действительно, – одобрительно хмыкнул оберст. – Форменная голова оленя, отличный ориентир. Господа! – встал из-за стола, – рейхсмаршал лично поручил нам отыскать тело любимого крестника и транспортным самолетом доставить его в Германию для торжественных похорон. Вышестоящее командование о его приказе я уже проинформировал. Прошу учесть, что рейхсмаршал не забывает об оказанных ему услугах.

Итак, Рихард, судя по измерениям, которые я сделал на карте, до этого квадрата чуть больше двухсот километров.

– Так точно, господин полковник.

– Людвиг, – последовал вопрос к подполковнику, – ваши егеря бывали в этих местах?

– Нет, так далеко мы еще не забирались.

– Что ж, придется их навестить. Какое количество людей и сколько времени нам понадобится на поиски?

– Я думаю, достаточно отделения егерей с опытным проводником. А по времени это займет не меньше недели.

– Почему так долго?

– Начало лета, – пожал плечами Вульф. – Тундра растаяла, и бронетранспортер далеко не пройдет. Основную часть пути придется идти пешком. Да и обследование квадрата займет немало времени.

– Тогда за дело. Я займусь проводником, а вы готовьте группу.

Когда офицеры покинули кабинет, фон Штимлер – так звали оберста – снял трубку и вызвал к себе начальника охраны аэродрома. Он был финн, хорошо знавший местных жителей.

– Послушайте, Тикконен, – обратился оберст к явившемуся по вызову светловолосому капитану. – Нам для наземной разведки необходим хорошо знающий тундру проводник – финн или лопарь. Найдите такого.

– Лучше лопарь, господин полковник, – чуть подумав, сказал Тикконен. – Они всю жизнь там проводят, и я знаю одного такого. Он сейчас как раз здесь, в гестапо, – доставил туда сбежавшего из лагеря норвежца.

– О! Местный патриот? – заинтересованно взглянул на капитана Штимлер.

– Скорее коммерсант, – чуть улыбнулся тот. – Получит за беглеца щедрое вознаграждение.

– Немедленно найдите его и доставьте ко мне.

– Слушаюсь! – вздернул подбородок капитан, повернулся кругом и пошел к выходу.

Через час в кабинете оберста стоял низкорослый человек с узкими глазами и хитрым лицом, в высокой шапке на голове, меховой куртке и остроносых, с загнутыми вверх носками, сапогах из оленьей кожи.

За спиной у него висела длинная винтовка Бердана, а на широком цветном поясе висел нож и замшевый мешочек с огнивом.

– Скажите туземцу, что мы дадим ему целую банку спирта и списанный парашют, если он проведет наших людей вот к этому озеру, – обратился Штимлер к стоящему рядом капитану, указав карандашом на карту.

Тот с минуту что-то говорил оживившемуся и утвердительно кивающему головой лопарю, затем выслушал ответ и обернулся к Штимлеру:

– Он согласен, господин полковник, и проведет к озеру, если вы разрешите посмотреть на него на карте.

– А разве туземец умеет ее читать? – удивился начальник гарнизона.

– Да, – последовал ответ. – Он был несколько месяцев проводником в шведской экспедиции до войны.

– Отлично, – согласился оберст. – Пусть смотрит.

Тикконен бросил лопарю несколько слов, тот, по-кошачьи мягко, подошел к столу, наклонился и стал внимательно рассматривать карту в том месте, куда уткнулся карандаш оберста.

Затем вернулся назад и, жестикулируя, что-то залопотал финну.

– Господин полковник, – обернулся капитан. – Лопарь сказал, что это очень плохое озеро. Называется оно Оленьим, и охотники всегда обходят его стороной.

– Почему? – скрипнул креслом оберст.

Капитан снова вступил в беседу с проводником, а затем перевел:

– Когда-то, очень давно, целая община местных аборигенов погибла там от козней каких-то злых карликов, якобы живущих под землей. Лопари называют их «сайвок» и очень боятся. С тех пор они считают озеро проклятым и не посещают.

– Это все детские сказки, – ухмыльнулся Штимлер. – А почему оно называется Оленьим?

– Лопарь не знает, говорит, так было всегда. Название пришло от предков.

– Так он готов оказать услугу великой Германии? Или нет? – забарабанил пальцами по столу Штимлер.

Капитан перевел слова оберста лапландцу, тот, опасливо косясь на начальника, что-то пробормотал, подняв вверх два пальца.

– Он требует банку спирта и два парашюта.

– Жадная каналья, – усмехнулся Штимлер. – Ну что же, я согласен.

Утром следующего дня майор лично инструктировал вызванного к себе старшего фельдфебеля Ирвина Кранка, ветерана соединения, не раз успешно проводившего поисковые операции.

– Я надеюсь на вас, – напутствовал он стоящего перед ним в походном снаряжении коренного фельдфебеля, похлопал того по плечу.

– Мы выполним все, что требуется, господин майор! – подобострастно рявкнул тот. – Можете не сомневаться!

Из штаба полка фельдфебель проследовал к стоящему неподалеку гусеничному бронетранспортеру, у которого весело балагурили, дымя сигаретами, егеря его группы. Их было девять, со служебно-разыскной собакой. Здесь же, рядом, сидел на корточках лопарь, невозмутимо сосавший трубку.

При виде командира егеря замолкли, швырнули наземь окурки и быстро выстроились у машины.

Звеня шипами ботинок по граниту, Кранк прошел вдоль строя, оглядывая солдат. Это были рослые спортивные парни, с жесткими обветренными лицами, экипированные в форму альпийских стрелков. С кинжалами у пояса, шмайссерами на груди и горными ранцами за плечами.

– В машину! – приказал довольный осмотром фельдфебель, направляясь к кабине водителя.

Перебрасываясь шутками, егеря ловко забрались в кузов бронетранспортера, туда же сиганула и овчарка, а последний дал замешкавшемуся лопарю крепкого пинка.

– Вперед, герои Нарвика и Крита! – хрипло проорал кто-то в кузове, и, взревев мотором, машина сорвалась с места.

Мчись, могучий поток,
Выше головы, парни,
Вы теперь не в Баварии,
Путь ваш вперед на Восток! —

донеслось из ее боевого отсека.

Сидевший в кабине Кранк не обратил внимания на допускающих вольности солдат. Их можно было понять.

Полк недавно был отведен на отдых с передовой из-под Мурманска, а в небольшом лапландском городке никаких развлечений не было. Письма и газеты с фатерлянда доставлялись с опозданием, а старые фильмы были все пересмотрены.

Вот и сидели парни целыми днями в казармах – дрыхли, резались в скат да потягивали шнапс, изредка наведываясь в город.

И этот необычный выезд в летнюю тундру для них был словно прогулка на пикник.

Унтер-офицер Ланге, взводный балагур и пройдоха, даже предложил поискать там местных туземок, чтоб поразвлечься с ними.

– А что? Было бы неплохо.

Фельдфебель мечтательно улыбнулся, отстегнул с пояса обшитую войлоком флягу и сделал из нее изрядный глоток.

Между тем, лязгая гусеницами, бронетранспортер уже около часа двигался в солнечном мареве тундр, оставляя за собой рубчатый след сорванного мха и дерна. По пути встречалось все больше образовавшихся от талого снега озер с топиями, которые приходилось объезжать, и продвижение вперед было не столь быстрым, как того хотелось.

Опытный Кранк не испытывал иллюзий по поводу того, что на тяжелой машине удастся добраться до конечной точки пути, указанной на карте. Рано или поздно их маршрут станет для нее непроходимым.

В таком случае машина с водителем останутся на месте, а поисковая группа проследует дальше. Затем они вернутся с телом летчика, которое, фельдфебель был уверен, найдут, вновь погрузятся в машину и отправятся назад, достойно выполнив задание.

Перед очередным, явно реликтовым озером фельдфебель приказал водителю остановиться и, хлопнув дверкой, выпрыгнул из кабины.

Обозрев окрестности в бинокль, он разрешил солдатам оправиться и перекурить, а сам, достав из планшета карту, подозвал к себе проводника с Ланге, который неплохо владел финским языком и местными наречиями.

– Судя по карте, мы в этом месте, – ткнул пальцем в голубую точку на листе. – Спроси у лопаря, так ли это?

Ланге, подбирая слова, спросил, и проводник, взглянув на точку, утвердительно кивнул.

– А теперь выясни, как зовут эту обезьяну?

– Мунк, – белозубо оскалился унтер-офицер. – По-ихнему волк, насколько мне известно.

– Вперед, Мунк! – взмахнул рукой командир, направляясь к машине.

На следующий день тундра стала менее проходимой для машины, и та, увязая в грязи, с трудом продвигалась по зыбким марям.

При очередной остановке командир вновь рассматривал карту и прокладывал маршрут вместе с проводником при участии Ланге, а затем, отпустив их, поднялся на сопку, у подножия которой приткнулся бронетранспортер, остывая и потрескивая мотором.

В бинокль он внимательно оглядел далекий горизонт, заметив на юго-востоке едва различимую струйку дыма.

Через несколько минут покрытая грязью и болотной тиной рычащая машина, оставляя позади синие выхлопы, поползла в ту сторону.

Спустя час она достигла обширной, покрытой карликовым лесом и редким кустарником долины, в центре которой стояло неказистое строение из шестов, покрытое шкурами.

Перед ним горел жаркий костер, над которым парил закопченный котел, и стояла небольшая группа людей, а чуть в стороне несколько тощих после долгой зимы ездовых оленей на привязи.

В десятке метров от жилища бронетранспортер резко затормозил, и егеря прыгнули на землю. Затем, во главе с Кранком, подошли к костру, охватив его полукругом.

Стоявшие у огня люди – средних лет мужчина с женщиной, к которой прижимались девочка-подросток и мальчишка, испуганно смотрели на незнакомцев. Впереди, ошетинившись загривком, скалила белые зубы лайка.

Приказав солдатам осмотреть жилище и ближайшие окрестности, фельдфебель подозвал к себе Ланге с проводником, указав пальцем на людей:

– Выясните, кто они и откуда.

Мунк задал мужчине несколько вопросов, и тот, отвечая ему, махнул рукой в сторону востока.

– Это саамы из кочевого стойбища. Возвращаются домой после зимней охоты, – перевел Ланге.

– Спроси, не встречали ли они в тундре других людей?

На вопрос проводника мужчина отрицательно повертел головой.

В это время к Кранку подошел ефрейтор, доложив, что жилище и окрестности вокруг него осмотрены, ничего подозрительного не обнаружено.

– Правда, в чуме много пушнины. Даже не верится, что столько добыл один туземец, – кивнул на саама.

– Хорошо, выстави охранение, и разбивайте лагерь. Здесь остановимся на ночлег, – приказал фельдфебель.

Внезапно проводник что-то пробормотал, сделал шаг вперед и, сдернув с головы мальчика суконную шапку, протянул ее Кранку.

На ней алела маленькая звездочка с отколовшейся на одном луче эмалью.

Тот взял шапку, повертел в руках и поднес к лицу охотника:

– Откуда?

Саам что-то ответил, кося глазами.

– Господин старший фельдфебель! – донеслось от жилища, и к Кранку поспешил один из егерей.

– Вот, нашел в их конуре, – протянул рваные кирзовые сапоги. – Такие носят иваны.

– А это что? – кивнул фельдфебель на обувку и, не получив ответа, ударил охотника кулаком в лицо, коротко и сильно.

Саам покачнулся, но устоял на ногах и схватился за висящий на поясе нож, успев выдернуть наполовину.

Тут же грохнуло несколько выстрелов, и он, вместе с хрипящей лайкой, попытавшейся вцепиться Кранку в горло, покатился наземь. В руке хищно ощерившегося Ланге дымился «парабеллум».

– В отношении туземца ты несколько поторопился, Фриц, – бросил ему Кранк, бесстрастно наблюдая за рыдающей на груди мужа женщиной и онемевшими от ужаса детьми.

– Ничего, баба нам все расскажет, – ухмыльнулся унтер-офицер, схватив мальчика за шиворот, и приставил ему к голове ствол «люгера».

Ребенок стал вырываться и визжать, а мать, оторвавшись от мужа, поползла к немцам на коленях, заливаясь слезами и что-то бессвязно лепеча трясущимися губами.

Из ее слов выяснилось, что неделю назад у саамов останавливались на ночь двое чужих людей. Утром они собрались и ушли на восток.

– Как выглядели люди и имели ли оружие? – обратился Кранк к Ланге.

Через проводника тот установил, что они были измождены, в рваной одежде и с автоматом.

– Расстрелять, – приказал командир Ланге, и тот с одним из солдат потащил обезумевшую женщину в ближайший кустарник.

Спустя минуту оттуда донеслась короткая очередь, а егеря вернулись к костру, спокойные и невозмутимые.

После этого они сняли с догорающего костра благоухающий свежей рыбой котел и поставили его на расстеленную у бронетранспортера плащ-палатку.

Затем по знаку командира все уселись вокруг, поджав ноги, и принялись с аппетитом хлебать из котла складными алюминиевыми ложками наваристую уху. Свою долю, в чашке из бересты, получила и овчарка.

Одинокое сидевшему по другую сторону костра Мунку кто-то со смехом бросил пачку черствых галет в яркой упаковке.

После обеда, а точнее ужина, поскольку незакатное солнце висело у западной кромки горизонта, егеря разморенно сидели на плащ-палатке, дымили сигаретами, передавая по кругу флягу, и лениво болтали.

Основным предметом разговора являлись несколько связок найденных в саамском жилье песцовых шкурок, среди которых имелись три необычно редких – коричневых с серебристым отливом.

Это были так называемые голубые песцы, при виде которых даже невозмутимый Мунк оживился и зацокал языком, выражая восхищение. Их уже упаковали в кожаный мешок и по указанию Кранка поместили в кабину бронетранспортера.

Егеря гадали – поделится с ними прижимистый фельдфебель или нет. За шкурки в лапландской столице можно было достать хорошую выпивку.

А тот, провожаемый косыми взглядами, уже вразвалку шагал к чуму, где спрятались оставшиеся в живых дети. Подойдя, он наклонился, откинул полог и исчез в проеме.

Через минуту из жилища донесся громкий ребячий плач, а чуть позже душераздирающий крик девочки.

– Ну и хваткий парень наш командир, – ухмыльнулся ефрейтор. – Даже в тундре найдет, где поразвлечься.

Солдаты загоготали и стали отпускать сальные шутки.

Спустя некоторое время крики в чуме прекратились, и оттуда появился довольный Кранк, застегивая штаны и блаженно шурясь на солнце.

– Ланге, твоя очередь. Ты сегодня заслужил! – бросил он резво вскочившему унтер-офицеру и, присев на корточки у костра, подбросил в него несколько сухих веток.

Затем, приказав одному из егерей сварить кофе, забрался в кабину бронетранспортера, пихнул себе под голову мягкий мешок с пушниной и, развалившись на сиденье машины, погрузился в приятную истому.

Очнулся Кранк от металлического щелчка. У открытой бронированной дверцы стоял Ланге.

– Кофе с ромом готов, Ирвин, прошу. – И протянул кружку с ароматно дымящимся напитком.

Фельдфебель поднес ее ко рту, сделал глоток, довольно прищурился:

– Настоящий бразильский.

– Да, – ответил Ланге. – Как в старые добрые времена на Крите.

Допив кофе, Кранк отдал кружку унтеру, закурил и выбрался из кабины.

На плащ-палатках, вповалку, храпели его солдаты, а из чума доносились приглушенные всхлипы и рычание ефрейтора.

– Это наш Гюнтер убажает саамскую девку, – рассмеялся бодрствующий Ланге.

Рано утром идущая след в след цепочка людей, в сопровождении навьюченных ранцами двух оленей, удалялась в безмолвие тундр, а у бронетранспортера остался водитель, провожавший ее взглядом.

Глава 6

Находка

Высоко в арктическом небе парил старый кречет – небесный хозяин этих мест. Он изредка взмахивал широкими крыльями и вглядывался все еще зоркими глазами в проплывающую под ним тундру.

Вся мелкая живность – полярные куропатки, зайцы, песцы и лемминги спешили укрыться в камнях, щелях и норах при появлении бесшумно несущейся по земле тени громадной птицы.

На очередном витке своего полета хищник что-то заметил у далекой гряды сопок и спланировал к ней. Затем мгновенно взмыл ввысь, заскользив обратно.

За свою долгую жизнь кречет не раз встречал то, что увидел. Это были двое бескрылых существ, способные метать громовые молнии. Одна такая давным-давно сразила его подругу, и хозяин небес помнил это.

– Санек, смотри, какой обед летает, – с тоской поглядел вслед удаляющейся птице, бредущий впереди Тим, волочивший за собой по мху давно бесполезный автомат. Плетущийся сзади продолжал слепо двигаться, пока не уткнулся ему в спину и не упал на изумрудный мох, такой мягкий и пахнувший свежестью.

– Все, Тим, я больше не могу, – прошептал он, закрыв глаза, в которых все плыло и кружилось.

Старшина устало сел рядом, утер изодранным рукавом ватника вспотевшее лицо и уронил голову на грудь.

За прошедшую неделю ребята еще больше осунулись и почернели – рыба в мелких озерах больше не попадалась, да и ловить ее было не на что: кончилась наживка.

Питались молодым ягелем, изредка встречавшейся прошлогодней вымороженной морошкой и вызывавшими тошноту сырыми грибами, поскольку варить их было не на чем.

Выбираясь из зыбкого болота, куда они ненароком забрели, беглецы едва не утонули и лишились котомки с огнивом, кресалом и котелком.

К тому же Сашка вывихнул ногу, которая посинела и опухла, а Тим, постоянно жевавший всякого рода зелень и даже кору деревьев, мучительно страдал животом, часто отходя в сторону.

Все эти дни с пугающим упорством за ними следовали волки. Теперь их было два. Близко звери не приближались, но то и дело возникали на дальних сопках.

Через некоторое время Сашка со стоном приподнялся, морщась от боли в ноге, сел, бросил мутный взгляд на поникшего головой Тима и прислушался.

Откуда-то издалека, с простирающегося справа плато, едва различимо доносился волчий вой, низкий, протяжный и тоскливый.

Сашка вздрогнул, повернул на него голову.

В самом начале уходящего к горизонту массива белело какое-то пятно. И не такое, как остатки снега, тающего в его складках, – яркое и меняющееся.

– Тим, – хрипло прошептал он.

– Чего?

– Посмотри, что там, справа, за белое пятно, или мне мерещится?

Напарник поднял голову, потер руками лицо и стал бессмысленно озираться.

– Да справа, я тебе говорю. Вон, у плато, – показал дрожащей рукой в ту сторону приятель.

– И точно, Сань, что-то белеет. На снег не похоже, а? – широко раскрыл воспаленные глаза Тим.

– И мне так кажется.

Они с трудом поднялись, опираясь друг на друга, и стали пристально вглядываться в даль, затем, едва волоча ноги, побрели в сторону возвышенности.

Примерно через километр пятно увеличилось, показалось, что оно шевелится.

– Дак это ж купол парашюта! – внезапно прохрипел Тим и, спотыкаясь о кочки, заспешил к пятну. Едва поспевая, Сашка направился за ним, то и дело падая, но снова поднимаясь.

Спустя полчаса, тяжело дыша, напарники стояли у лежавшего на земле купола парашюта. Его шелк серебристо блестел в солнечных лучах и едва уловимо колыхался от порывов легкого ветра.

– А где летчик? – посмотрел Сашка на Тима.

– Хрен его знает, – мрачно пробурчал тот, – наверное, в тундру ушел. Чего ему тут делать?

Он видел, что парашют не такой, с какими приходилось иметь дело, и насторожился.

– Давай по-быстрому, сворачиваем купол. Шелка на портянки нарежем, а стропы на снасть распустим.

Сопя, парни потянули к себе неподатливый купол и обнаружили под ним наполовину ушедшее в мох тело человека.

– Вот он, твой летчик, – сказал Тим, опускаясь на колени, – совсем свежий.

Через секунду в его руке появился извлеченный из кобуры на поясе мертвеца пистолет.

– «Вальтер», – восхищенно прошептал моряк. – У меня такой был. – И выщелкнул из рукоятки обойму с блестящими там патронами.

Загнав ее обратно, сунул оружие за пояс.

– А ну-ка, давай вытащим этого аса, – обернулся к стоявшему рядом с открытым ртом приятелю.

Вместе, путаясь в стропах, они с трудом извлекли из пропитанного водой мха неподатливое тело, оттащив чуть в сторону.

Вместо лица у немца была размокшая в воде бесформенная маска и пряди прилипших ко лбу волос.

– Ты смотри, какой был красавчик, – хмыкнул Тим, протягивая ему извлеченное из нагрудного кармана немца удостоверение пилота люфтваффе и пухлый кожаный бумажник с золотой монограммой.

С фотографии на документе на Сашку холодно смотрел молодой симпатичный парень с аккуратной прической и пробором на голове, чем-то похожий на артиста.

– Лейтенант Отто фон Вернер, – по складам прочитал матрос. – Ты слышишь, Тим? Целый «фон», это у них вроде нашего графа.

– Да, парень, видать, был не бедный, гляди, какие у него часы.

Сашка принял из рук приятеля отсвечивающие тусклым металлом необычно тяжелые часы с браслетом и внимательно стал их рассматривать. На задней крышке имелось клеймо – орел со свастикой, а также какая-то гравировка.

– Фельдмаршал Геринг, – разобрал он последние слова. – Ни хрена себе! Тим, эти часы от Геринга!

– Я ж тебе и говорю, что не простой это немец. Надо отсюда быстро валить, его могут искать. Стоп, а коль фриц дохлый, значит, НЗ у него цел. Как это я сразу не догадался?

Он отстегнул на груди немца карабины, а затем, перевалив на живот, стащил парашютный ранец. Потом, отщелкнув клапаны карманов, извлек две плитки шоколада, пачку прессованного изюма, небольшую ракетницу, таблетки сухого спирта и спички, в непромокаемой упаковке.

– Живем, Санек! – радостно воскликнул старшина, сунув ракетницу и шоколад тому в руки, а остальное быстро распахал по карманам.

После этого Сашкиной финкой они отрезали от купола несколько строп и большой кусок шелка, которые затолкали в оставшуюся котомку. Парашют же свернули, туго перетянули стропами, сунули внутрь несколько камней и утопили в блестящем неподалеку снеговом озере с талой водой.

Затем вернулись назад, Тим стащил с ног летчика меховые унты и швырнул Сашке:

– Переобувайся.

– Не, – повертел тот головой. – Оставь себе, твои пьексы вовсе развалились.

– Бери, я тебе сказал! У меня сорок пятый, а это как раз твой размер.

Друг сунул унты в мешок, затянув его веревкой.

Сняв с Вернера летный планшет, который Тим повесил на плечо, моряки отволокли тело к озерку, где утопили парашют, и тоже столкнули в воду. Знакомец Геринга побулькал и утонул, словно его и не было.

После этого, съев по кусочку шоколада, вернулись к своей последней остановке.

У сиротливо лежавшего на небольшом валуне «суоми» остановились.

Тим, утерев рукавом губы, взял автомат в руки, вывинтил шомпол и с размаху саданул прикладом по камню. Затем сунул металлическую часть под слой мха, а приклад с шомполом спрятал за пазуху.

– Пригодится для костра, – сказал Сашке. После чего они снова отправились в путь, стараясь побыстрее уйти как можно дальше.

С плато донесся тоскливый волчий вой.

– Шалишь, – обернулся старшина. – Теперь нас хрен возьмешь. Ходу, Санек, ходу.

Когда солнце завершило свой бесконечный путь к горизонту, а с затянувшегося тучами неба начал сеять мелкий зернистый снег, друзья, еле двигая ногами, подошли к преградившему им путь озеру.

Его извилистые берега поросли карликовым лесом и чахлым кустарником, в котором жалобно пищала какая-то птица.

– Ушли порядком. Тут сделаем привал, – покосился Тим на бредущего за ним в импровизированной накидке из парашютного шелка друга.

Они нашли место посуше, оставили там котомку, шомпол и приклад, после чего исчезли в леске, откуда вернулись с охапкой хвороста и полной шапкой красно-бурых подберезовиков.

Пока Тим колот финкой на тонкую щепу приклад и разводил костер, Сашка достал из кармана их самодельную снасть, взял из вороха две палки подлиннее и пошаркал к ближайшему заливчику.

Там он привязал к ним узловатую шелковую нить, наживил крючки половинками размоленной во рту изюмины, после чего забросил в воду.

Когда старшина, щурясь от едкого дыма и прихватив рукавом ватника конец шомпола, пек над огнем издающие дразнящий запах грибы, на берегу раздался радостный вопль, и вскоре оттуда появился Сашка. Улыбаясь, он нес в руке среднего размера рыбину.

– Подвезло нам, – оживился Тим. – Что за порода такая?

– Да похожа на хариуса, а там кто его знает? Здесь все по-чуждому.

Старшина положил шомпол с уже испекшимися грибами на лежащий на камне лоскут шелка, вытащил из кармана пакетик с прозрачными таблетками и протянул другу:

– На, Санек, погрызи.

– Что это?

– Леденцы с ментолом, у фрица в планшете нашел. Там, кстати, и карта. Идем мы, судя по ней, верно. Разве чуть отклонились к югу. Но топать еще далековато, километров триста. Ну? Как тебе леденцы? – поинтересовался он, снизывая финкой грибы на шелк и насаживая на шомпол рыбину.

– Фкусные и во рту холодят, – прошепелявил Сашка.

– Я ж тебе говорю, с ментолом, это от простуды. Я такие на Северо-Западном фронте пробовал, отобрал у пленного офицера. Готовились все-таки фрицы к войне основательно. Все предусмотрели, не то что мы, – нахмурился Тим, – шапками закидаем.

– А все равно под Москвой и Сталинградом фашистов разбили. Да и здесь, на Кольском, они увязли.

– Это точно, – подбросил старшина в костер просохших веток.

– Хлипкие они уж очень. Вот мы с тобой из плена третью неделю идем. Полуживые и без всего. А тот фриц, – кивнул назад, – с раскрытым парашютом в мох свалился, и рожа всмятку. Ну да черт с ним, давай шамать, кишки марш играют.

Тим разломил парящую рыбу на две части и большую отдал Сашке.

– Чего это ты меня все время подкармливаешь? То свою долю шоколада отдал, то эти таблетки, а теперь вот и кусок побольше? – обиделся ленинградец.

– Это потому, что салажонок ты еще, Санек, да и в лагере почти дошел. Так что давай наворачивай. А мне не впервой. Считаю, третий раз к своим выхожу, – жестко прищурился глазами.

Приятель стали жадно глотать рыбую мякоть, обсасывая кости, а потом взялись за грибы, пресные, но вполне съедобные.

– На вот еще, хлебни, у фрица в кармане была, – протянул старшина другу миниатюрную плоскую фляжку.

– Когда успел, я даже не заметил.

– И в Ростове мало кто замечал. Я пацаном водился с беспризорными и по карманам ловко притыкивал, – беззвучно рассмеялся Тим.

Сашка отвинтил колпачок, сделал глоток из фляжки и поморщился.

– Ну как? Получше шила?

– А я его на охотнике один раз только и пробовал, боцман не давал. Тоже говорил, что салага.

– Это коньяк, – приняв назад фляжку, сделал глоток и Тим. – Давай теперь ногу твою поглядим, и на боковую. День выдался напряженный.

Морщась, Сашка поднял до мосластого колена штанину рубы. Нога от щиколотки до лодыжки у него посинела и распухла. Тим, отчекрывив финкой от парашютного лоскута длинную ленту, туго забинтовал ею ногу матроса.

– Вроде тугой повязки. А теперь спать, утро вечера мудренее.

Утром, когда проснулись, вся тундра была покрыта тонким слоем снега.

– Лето и зима одновременно, – пробурчал Сашка, стряхивая его с шапки, и сладко зевнул. – Впервые хорошо выспался, без кошмаров.

Затем друзья встали, умыли снегом чумазые лица, и старшина ощупал унты, они были сухие.

– Снимай гады, – кивнул на Сашкины истертые до дыр ботинки.

Матрос уселся на котомку, сбросил ботинки с ног, стряхнул с них драные ошметки мешковины и пошевелил бледными, распухшими от сырости, стертыми в кровь пальцами.

Тим разрезал надвое служивший им скатертью за ужином кусок шелка и протянул товарищу. После этого стащил с ног размокшие пьексы и отчекрывил от одной из шелковых накидок еще два куса аналогичного размера.

Приятель туго обернули ноги этими шикарными портянками, снова обулись и немного подкрепились изюмом.

– Так, – утер губы старшина, – давай, Санек, достругивай приклад и готовь костер, а я к озеру. Может, рыба какая сдуру поймалась, заодно и веток наломаю.

Отсутствовал он довольно долго, потом над озером гулко разнесся выстрел, и Сашка дернул из ножен финку.

Через минуту из кустарника появился Тим, неся в руке какую-то птицу и волоча за собой несколько корявых сухостоин.

– Ух ты, куропатка! – удивленно воскликнул Сашка, пряча нож, и всплеснул руками.

– Держи, – бросил ему еще теплую, рыжеватой окраски птицу старшина.

– В березнячке подшиб. Там их целая стайка почками кормилась. Хороший у «вальтера» бой, – похлопал по рубчатой рукоятке торчащего за поясом пистолета.

– А вот рыбы нету, удочки я снял. Дай-ка мне лопатник фрица, там много бумажек. Я с вечера мха подсушил, глядишь, сверну сигарку.

Сашка достал из внутреннего кармана бумажник, протянув его Тиму, а сам начал ошипывать куропатку.

Тот же, присев на корточки, достал оттуда тонкую пачку рейхсмарок, несколько фотографий и какие-то сложенные вчетверо листки, судя по виду письма.

Фото привлекли внимание старшины, и он стал внимательно их разглядывать.

На одном погибший был в парадной форме офицера люфтваффе и с какой-то расфранченной девицей, на втором – в летном комбинезоне у «мессершмита», а на третьем – рядом с грузным человеком, в высокой фуражке и мундире с аксельбантом, увешанном крестами, спесиво смотревшим в объектив.

– Вот тебе Геринг, – показал Сашке фото Тим. – Я видел его портрет в одной немецкой комендатуре, которую мы разгромили под Оршей.

– Ну и боров, – нахмурился матрос, заканчивая ошипывать птицу и смахивая рукой перья с коленей, – пудов на десять.

– И карта у этого фрица интересная, с их аэродромами и воинскими частями. Пригодится нашим. А вот из этого послания я себе самокрутку и сварганю, – развернул старшина одно из писем. – Судя по всему, от фрау, бумага тонкая и духами пахнет.

Он ловко свернул из странички козью ножку, достал из кармана бриджей горсть сухого перетертого мха и засыпал внутрь, примяв большим пальцем. Потом, взяв из горящего костра ветку, прикурил.

– У-у-у, – с наслаждением затянулся и выпустил носом густую струю дыма, – даже башка закружилась.

После этого, попыхивая сигаркой, Тим взял из рук Сашки ошипанную и ставшую намного меньше тушку, ополоснул ее в ближайшей лужице и насадил на шомпол.

– На, жарь пока, – протянул другу. – А я вон на ту горку взберусь, погляжу, как нам лучше озеро обходить. – Он показал на высокую сопку.

Когда зарумянившаяся птица начала издавать дразнящий запах и постреливать в языках пламени голубоватыми искрами капающего сока, старшина вернулся и, тяжело дыша, присел к огню:

– Черт! Как вкусно пахнет. Да ты настоящий кок, умеешь.

Глава 7

Смерть у озера

Достигнув вершины очередной сопки, где тонко свистел ветер, друзья остановились.

Внизу, на десяток километров, примыкая одной стороной к озеру, а другой уходя в тундру, тянулась обширная низменность, в центре которой что-то неясно чернело.

Старшина стал всматриваться в ту сторону, затем протер слезящиеся глаза и сдавленно пошептал: кажись самолет.

Не сговариваясь, друзья упали в мох, замерли.

– Это, наверное, тот, из которого немец выпрыгнул, – сдавленно прошептал Сашка.

– Щас узнаем, – хищно ощерился Тим и потянул из-за пояса «вальтер». – Ты давай лежи и наблюдай, а я малость разведаю.

После этого, передернув затвор, ужом пополз вниз.

Сашка достал из-за пазухи ракетницу, взвел тугой курок и ощупал висевший на поясе нож. Потянулись утомительные минуты.

Наконец сбоку послышался шорох, и возникла голова Тима.

– Кажись, наш бомбер, но вокруг никого, – сообщил он хриплым голосом.

– Ур... – радостно вскинулся Сашка и осекся под яростным взглядом.

– Молчи, карась, – прошипел старшина. – Я ж сказал «кажись», точно не разглядел. Вот туман рассеется, тогда и увидим.

Они вновь замерли на вершине и стали внимательно осматривать раскинувшийся вокруг ландшафт, расцвеченный бледными красками Заполярья. Остатки последнего снега под лучами солнца таяли, и согревающийся воздух призрачно дрожал над тундрой.

Когда стрелки швейцарского «лонжина» на Сашкиной руке подоברались к полудню, туман поредел, и сквозь него проступили очертания уткнувшегося в землю самолета.

– Точно, наш русский Ил-4, – взволнованно произнес старшина. – Нас на таком под Ржевом сбрасывали. А теперь, матрос, двигаем вперед, только тихо, – бросил Сашке.

Друг молча кивнул, они крадучись спустились с сопки и, чутко прислушиваясь и озираясь по сторонам, медленно двинулись к машине.

Первое, что бросилось в глаза, – оторванное от фюзеляжа искореженное крыло с красной звездой на нем и многочисленные рваные дыры в корпусе. Были погнуты также лопасти одного из винтов, а правый двигатель густо закопчен и со смятым капотом.

– Да, досталось ему, – прошептал старшина и, когда друзья приблизились к машине почти вплотную, заметил лежавшее у самого корпуса, напротив большой пробоины, застывшее тело человека в оленьей одежде, с разmozженной головой. Рядом валялся искореженный автомат ППШ с круглым диском.

Старшина поднял вверх согнутую в локте левую руку, приказывая напарнику оставаться на месте, и на секунду замер. Потом скользнул вперед, поднял автомат и прижался к обшивке машины чуть в стороне от пробоины. Затаив дыхание, прислушался – вокруг тишина, нарушаемая размеренной каплей где-то внутри бомбера.

– Гранатой саданули, – мелькнуло в голове Тима, когда он заметил на одежде убитого многочисленные, разной величины дыры.

Он сделал Сашке жест занять позицию с другой стороны от зияющего пролома, а когда тот выполнил, приложил палец к губам – тихо.

Затем, размахнувшись, левой рукой швырнул ППШ через пролом внутрь машины. Там грохотнул металл, и снова наступила тишина.

Держа в крепко сжатых пальцах «вальтер», старшина осторожно переступил мертвое тело и, пригнувшись, сквозь дыру нырнул внутрь самолета.

– Саня, залазь, – слышалось через минуту оттуда, и матрос, оглянувшись, последовал за напарником.

Тот молча стоял посреди искореженного отсека, куда из повреждений и дыр в корпусе проникали солнечные лучи.

В их свете были видны разбросанные по отсеку в самых немыслимых позах изломанные тела людей в военном обмундировании и с оружием.

– Точно, наши, – втянул голову в плечи Сашка, поднимая с рифленого пола новенькую фуражку с синим околышем и рубиновой звездочкой.

– Да, судя по всему, НКВД, – хмуро сказал Тим. – Не иначе на задание летели.

– Смотри, этот даже полковник, – дернул кадыком Сашка, указывая пальцем на одного, в плаще и с полевой сумкой.

– С чего ты взял? – хмыкнул старшина. – Так уж и полковник.

– У него погоны с тремя звездами. А вон тот, что рядом лежит, в кожане, – майор.

– Я таких знаков различия в сорок втором не встречал, – озадаченно сказал Тим, покосившись на приятеля. – Откуда знаешь?

– Точно, Тим. Погоны совсем недавно ввели, после Сталинграда. Мне один пленный рассказывал. А ты не знал?

– Нет, – коротко ответил старшина и поднял с пола отсека валяющийся автомат. – Новенький, – ласково провел рукой по лакированному прикладу и отстегнул диск. Тот был полностью снаряжен золотистыми патронами. – Теперь и воевать можно, – щелкнул его старшина на место и повесил ППШ на плечо. – Отличная машинка. Знаешь, Сань, не люблю я этих чекистов. Очень уж они въедливые. Один майор-особист стрелковой дивизии, когда мы вышли после задания на ее охранение, мордовал нас трое суток, пока не выяснил, что десантники. Так, Сань, на тебе тоже ППШ, – вывернул из закованных рук чернявого сержанта автомат. – Собери у всех документы, а заодно и личные вещи. Они мертвым ни к чему. А я пока летчиков в кабине посмотрю, вдруг есть кто живой. Чем черт не шутит?

Он отпихнул ногой какой-то валявшийся на проходе блестящий металлический брусок и выбрался наружу.

Когда Сашка появился из самолета с туго набитым вещмешком в руках и полевой сумкой на шее, Тим сидел неподалеку, молча дымя папиросой.

– Ну, как? – опустил у его ног сидор матрос, присев рядом.

– Всем хана, – безнадежно махнул рукой старшина. – А ребята, видно, смелые были. Пилот так со штурвалом в руках и застыл – капитан, с двумя орденами Красного Знамени. Штурмана расшибло в лепешку о приборную доску. Оба стрелка тоже мертвые. Верхний в турели завис, а нижнего при ударе размазало вдребезг. Это, видать, они того фрица и завалили, а он их. Только вот что непонятно. Парашютов у экипажа нет, или сейчас без них летают?

– А мне вроде все ясно, Тим. На вот, погляди.

Сашка достал из кармана бушлат и протянул вспыхнувший на солнце ярким светом небольшой слиток.

– Что это? – взял его старшина в руку и едва не уронил. – Тяжелый!

– Ты посмотри повнимательней.

Напарник повертел слиток перед глазами и обнаружил на одной из граней небольшое клеймо в виде герба СССР, а чуть ниже выбитые цифры.

– Никак золото? – удивленно вскинул брови.

– Именно. Там, в самолете, два ящика таких, и на полу еще много валяется. Ты этот брусок ногой пнул, – рассмеялся Сашка.

– Ну, дела-а, – протянул Тим. – Теперь и до меня дошло, отчего у летчиков парашютов нет. Они перевозили особо ценный груз, а которые в бомбовом отсеке – охрана. Видать,

энкавэдэшники заставили оставить, чтобы те не выпрыгнули, если сообразят. Не доверяли, гады. Интересно, а куда мог лететь этот бомбер, а, парень?

– Судя по документам, которые у полковника, – из Москвы в Мурманск.

Матрос отстегнул клапан офицерской полевой сумки, вынул из нее сложенную вчетверо бумагу, малинового цвета удостоверение и протянул старшине:

– Ознакомься.

В удостоверении, с двумя красными, расположенными по диагонали полосами, имелось фото человека в военной форме с четырьмя шпалами на петлицах и надписью «Главное управление контрразведки Смерш» на правом развороте. А чуть ниже «Полковник Азаров Алексей Иванович – начальник отдела», синяя гербовая печать да неразборчивая подпись.

– Да, – нахмурился Тим. – Не повезло тебе, полковник. – И развернул плотную бумагу.

Там значилось, что полковник Азаров и майор Коваленко с отделением бойцов следуют в Архангельск для выполнения особо важного задания. На бумаге синели оттиски печати и углового штампа «НКВД СССР».

– Те, что с ними, – кивнул Сашка на справку, – из мотострелковой бригады НКВД особого назначения. Я никогда не слышал про такую.

– А мне доводилось, – ответил Тим. – Когда после первой операции нас из Белоруссии доставили в Подмосковье перед второй заброской, из этой бригады два инструктора приезжали, мастера спорта. Проводили с личным составом занятия по подрывному делу, стрельбе и рукопашному бою. Неплохие ребята. Так, ладно, – вернул он Сашке документы. – А что это у тебя за сидор? – хлопнул по мешку ладонью.

– У переборки лежал, в нем продукты. Наверное, сухой паек.

– Ну что ж, в таком случае давай порубаем, – сказал Тим. – Жаль парней, но мы пока живые.

Сашка достал из мешка кирпич серого хлеба, банку консервов с иностранной этикеткой и завернутый в газету солидный шмат сала.

– «Правда», – уважительно произнес старшина, вскрыв финкой банку и нарезая пахнущее чесноком сало на крупные ломти.

Затем друзья без особого аппетита поели, думая каждый о своем.

Далее, желая узнать новости, которых были долгое время лишены, с интересом прочли все, что имелось в газетном листе, от корки до корки.

В том числе передовицу о наступлении советских войск под Курском.

– Да, совсем другая пошла война, – значительно сказал Тим. – Не все коту масленица. Саня, так ты говоришь, там, – кивнул на самолет, – два ящика такого добра? – Он взвесил на ладони слиток.

– Ну да, деревянные. Один – на котором майор развалился, а второй такой же. Только целый и опломбирован.

– И на хрена в Мурманске это золото? Пули из него отливать, что ли?

– Кто его знает, – пожал плечами Сашка. – Может, оно для союзников.

– Каких таких союзников? – вскинул брови приятель.

– Ну, вон тушенку мы с тобой ели, – показал Сашка на пустую банку, – вкусная?

– Ага, я раньше никогда такой не пробовал.

– Так вот, она американская. «Второй фронт» называется. Англичане и американцы гонят в Заполярье по морю караваны судов с военной техникой, снаряжением и продовольствием. После их разгружают в портах Мурманска и Архангельска.

– Не трави.

– Гадом буду! Наш «охотник» один такой до Соломбалы сопровождал. А на палубах транспортов самолеты, танки и грузовики. Сам видел. Неужели ничего про это не слышал?

– Откуда? В лагере, сам знаешь, не до разговоров было.

– Ну так вот. Как нам рассказывал замполит, это все доставляется в СССР в качестве военной помощи.

– Так возможно, золото везли в Мурманск как оплату за нее?

– Ну, этого я не знаю, – почесал Сашка затылок. – Может, и так. Замполит не говорил, а мы не спрашивали. Кстати, оружие у них неплохое. На нашей коробке английский «эрликон» стоял – это зенитный пулемет. Так мы с боцманом из него немецкого «фоккера» срезали.

– Не врешь?

– Честное слово. Нас даже к медалям «За отвагу» представили.

– Да, – пристально взглянул на приятеля старшина. – Не такой уж ты и салажонок, Санек. Держи краба! – протянул другу руку.

– А ты думал? – стеснительно улыбнулся матрос, крепко ее пожав. – Чего-чего, а стреляю я неплохо.

– Ну что ж, отдохнули, а теперь за работу, – встал на ноги Тим и взглянул на фонарь верхнего стрелка на фюзеляже, с мутным от трещин и пулевых пробоин плексигласом.

– Для начала того бедолагу вытащим, чтоб, в случае чего, организовать круговую оборону. Сектор обстрела оттуда подходящий.

– Точно, – сказал Сашка. – Во все стороны.

Вслед за этим парни снова забрались в самолет и бережно спустили в отсек тело стрелка, зависшего на турели, уложив его рядом с другими.

– Сможешь с ним управляться? – кивнул старшина на пулемет.

– Обижаешь, Тим, я ж по боевому расписанию был вторым номером на «эрликоне». Конечно, смогу.

Далее они внимательно осмотрели ящики со слитками, и старшина попытался сдвинуть целый.

– Тяжелый, черт. Кило на сто будет, не меньше.

Затем уселся на него, чуть подумал и обратился к Сашке:

– План у нас будет такой, матрос. Поскольку ты и я люди военные, а это золото народное, мы за него в ответе. И о ящиках, кровь из носу, нужно сообщить нашим. До ухода их где-нибудь поблизости спрячем. А то видал, у бомбера лопасть без башки? Не такая уж тундра и пустая. Вот только кто его подорвал, непонятно.

– Может, сам? Вот этим. – Сашка снял с пояса и продемонстрировал рубчатую лимонку. – Они у солдат в подсумках.

– Возможно, – сплюнул Тим. – «Феньки» нам в дорогу пригодятся. Короче, шхерим ящики, забираем документы и идем дальше. Как можно быстрее. Тем более что оружие, жратва и карта у нас теперь есть.

– А куда мы их спрячем? – повесил гранату на пояс Сашка. – Кругом одна тундра и мох. Опять же, вечная мерзлота. Сложно.

– Да хоть бы в озеро, – не согласился Тим. – До него рукой подать, айда взглянем. И стропу от парашюта заодно прихвати, глубину измерим.

Моряки в очередной раз покинули чрево самолета, Сашка достал из лежавшей снаружи котомки аккуратно свернутый в бухту трос, и они пошли в сторону видневшегося метра в пятистах от машины озерного залива.

Там Тим размотал бухту, прикрепил к ее концу небольшой гранитный окатыш и, держа приспособление на весу, подошел к кромке низкого берега. Вода на поверхности была чуть голубоватой и кристально чистой, а ниже темной. Камень с плеском шлепнулся в нее, быстро утащив за собой часть троса.

– Ну, вот видишь, всего метра четыре будет, – вытащил старшина намокшую стропу. Затем сделал еще несколько забросов чуть дальше и по сторонам. Глубина существенно не изменилась. – В самый раз. С берега не видно, и дно скальное, не заилит.

– А я знаю, как дотащить сюда ящики, – предложил Сашка. – На листе обшивки, что валяется у самолета. Она гладкая и будет хорошо скользить по мху, к тому же тут небольшой уклон.

– Точно, Саня, молоток, – на руках их едва ли осилим, очень уж тяжелые.

Смотав трос, пошли назад, при этом Сашка морщился и слегка припадал на ногу.

– Ты чего? – покосился на него старшина.

– Да лодыжка что-то сильно заныла. Когда из самолета выбирался, зашиб. Ну да ничего, скоро пройдет. Ты не беспокойся.

После того как они подошли к машине, Тим заставил Сашку сесть, стащил с него унт и осмотрел ногу. Она еще сильнее опухла.

– Да, с такой ходулей ящики мы сегодня не потащим, еще больше ее разбередим. Ты пока сиди, а я слажу в кабину к летчикам, может, там какая аптечка есть?

Через пару минуту старшина выглянул из разбитого окна кабины и помахал защитного цвета флягой:

– Во, спиртягу нашел! Отличное лекарство.

Затем вылез наружу и спустился на землю.

– Под сиденьем у штурмана лежала, в заначке, почти полная. А аптечки, к сожалению, нету.

В течение нескольких минут, поливая на ладонь сладковато пахнущую на воздухе жидкость, он втирал спирт другу в лодыжку, а потом снова туго забинтовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.